

Н. Ю. ШВЕДОВА

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Ю. Д. АПРЕСЯНА «СИНОНИМИЯ И СИНОНИМЫ»

Нет необходимости говорить о важности тех проблем теоретической семантики, к которым — применительно к русскому языку — непосредственно обратился в своих последних работах Ю. Д. Апресян — один и в соавторстве с И. А. Мельчуком и А. К. Жолковским¹. Живой интерес вызывают поиски строгого подхода к определению лексических значений слов путем создания специального «семантического языка» и применения его к русской лексикографической практике, пристальное внимание к разным видам сочетаемости слов и последовательное их разграничение. Работы Ю. Д. Апресяна сильны и в своих критических частях: он убедительно показал многие ошибки и непоследовательности современных толковых словарей, в первую очередь — кратких.

Хотелось бы, однако, поделиться с читателями некоторыми сомнениями, которые возникают при чтении этих работ и, в первую очередь, при чтении статьи «Синонимия и синонимы» как наиболее определенно и прямо иллюстрирующей практическое применение основных положений теории к русскому материалу.

Вопросы, на которых мы остановимся, могут быть сформулированы следующим образом: 1) объем значения слова и, соответственно, характер словарного определения; 2) возможности метаязыка в их отношении к семантической структуре слова; 3) основания для построения синонимических рядов, границы между синонимией и «квазисинонимией»; 4) соотношение значения слова и его сочетаемости; 5) основания для запретов в сфере сочетаемости; 6) объем понятия «сочетаемость слов»; 7) свободное сочетание слов и фразеологизм как объекты для изучения сочетаемости; 8) основания для выведения значений слов. Подчеркиваем, что ни по одному из этих вопросов мы не собираемся предлагать здесь каких-либо решений; все, что будет сказано ниже, — лишь некоторые мысли и соображения, возникающие при чтении статьи².

1. Ю. Д. Апресян определяет лексические синонимы как слова (и семантически неразложимые фразеологические единицы), получающие на семантическом метаязыке совершенно одинаковые толкования; иными словами, значения синонимов полностью совпадают. Можно соглашаться или не соглашаться с таким пониманием синонимов, но в любом случае чрез-

¹ См.: Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, О системе семантического синтеза. III. Образцы словарных статей, НТИ, серия 2, 1968, 11; Ю. Д. Апресян, Об экспериментальном толковом словаре русского языка, ВЯ, 1968, 5; е го ж е, Синонимия и синонимы, там же, 1969, 4; е го ж е, Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики, ИАН ОЛЯ, 1969, 1; е го ж е, О языке для описания значений слов, там же, 1969, 5.

² Богатая библиография трудов о лексической синонимии, приводимая в исследованиях Ю. Д. Апресяна, избавляет автора этих кратких заметок от необходимости ссылаться на те многочисленные работы, в которых можно найти мысли и суждения, во многом перекликающиеся с тем, что будет изложено ниже.

вычайно существенно, что принимается за компонент значения слова, из каких элементов это значение складывается. И здесь в статье не удается уловить единого и последовательно осуществляемого решения.

Сопоставим несколько толкований: 1) *показываться* «становиться видимым; субъект действия и субъект речи не совпадают» (стр. 82); 2) *возрастать* «начинать быть больше»; *увеличиваться* — то же значение (стр. 85); 3) *автор* «тот, кто создал нечто»; *создатель* — то же значение (стр. 85); 4) *всеобщий* «охватывающий всех»; *повальный* — то же значение (стр. 86); 5) *замужем* «состоящий в браке»; *женат* — то же значение (стр. 86); 6) *добиваться* «преодолевать препятствия для получения X-а» (стр. 89); 7) *давить* «прилагать к участку поверхности предмета силу, изменяющую его положение или форму; активная сила направлена с одной стороны»; *жать* «прилагать к участку поверхности предмета силу, изменяющую его положение или форму; активная сила направлена с разных сторон» (стр. 90); 8) *жадный* («человек, сильно желающий приобрести X, которого у него нет и который не является для него необходимым (\approx желающий захватить чужое)» (стр. 90).

Обращает на себя внимание то, что в одних случаях толкование является максимально обобщенным (2, 3, 5), в других — очень детализированным (7, 8). В одних случаях опускаются такие компоненты значения, которые вполне могут быть выражены на метаязыке и, будучи выражены, превратят «точные синонимы» в «квазисинонимы» (например, 2: *увеличиваться* — не только вообще «начинать быть больше», — само *больше* многозначно! — но становиться больше в объеме, размере; в *возрастать* этот второй компонент отсутствует). В других случаях в определении значения вторятся избыточные элементы, например, в 7 — «участок» и указание на «направление активной силы», ср.: *Меня давят со всех сторон* [в толпе]; *Сильнее жми на кнопку звонка!*

В одних случаях опускаются существеннейшие компоненты значения (например, 4: *повальный* — не просто «охватывающий всех», но «стихийно распространяющийся на всех как на пассивные объекты воздействия»); в других случаях значение характеризуется очень детально, но зато редуцируется на такие компоненты, которых в нем нет вообще или которые присутствуют лишь как элемент более общего компонента (8: в слове *жадный* момент «приобретения» не является единственным, он совмещается с «обладанием», соответственно «нет» — с «есть», «не является необходимым» вообще приписано произвольно; сохраняя стиль определений на метаязыке, *жадный* нужно было бы определить как «неохотно отдающий, расходующий то, что имеет, или с излишним желанием стремящийся приобрести что-н.») (см. об этом также ниже).

В одних случаях за компонент значения признается отношение субъекта к действию (1); в других — характер субъекта, непосредственно определяющий сочетаемость, не вводится в толкование и, следовательно, компонентом значения не считается (5); ср. при учете характера субъекта: *замужем* «имеет мужа» или «состоя в браке, является женой»; *женат* «имеет жену» или «состоя в браке, является мужем».

Примеры можно было бы продолжить. Они говорят о том, что вопрос о необходимых и достаточных компонентах значения и, следовательно, о характере минимальных и в то же время достаточных словарных определений решается в статье непосредственно. Это можно было бы не ставить в упрек автору, так как известно, насколько сложен и неразработан вопрос о компонентах лексических значений слов, а значит и о словарных определениях значений. Однако для Ю. Д. Апресяна то или иное, пусть предварительное, «рабочее», но какое-то определенное решение здесь было принципиально важным, так как вопрос этот непосредственно связан с возмож-

ностями метаязыка и отношением этих возможностей к семантической структуре слова.

2. В статье определяются условия, которым должен удовлетворять семантический язык, однако ничего не говорится о его объеме, о том количестве слов, отражающих важнейшие дифференциальные семантические признаки, которые будут составлять этот язык. Будет ли их 100, 300³, 1000? Вопрос этот не праздный. Ведь разграничение значений в слове и, следовательно, выделение синонимов осуществляется в непосредственной зависимости от того, какими средствами располагает метаязык, насколько полно и точно можно, используя эти — и только эти — средства, разграничить и определить значения. Иными словами: чем огрубленнее, примитивнее будет метаязык (а на первых порах, по-видимому, эти его качества неизбежны), тем обобщеннее и огрубленнее будем мы с его помощью определять и разграничивать значения слов; чем богаче и точнее метаязык, тем богаче и наши возможности выделить и описать «составляющие» семантической структуры слова.

Статья «О языке для описания значений слов» не особенно обнадеживает читателя в смысле достаточности и точности будущего метаязыка. Мы узнаем, что в словарь семантического языка войдут 32 «имени элементарных предикатов», 54 «имени элементарных предметов», 10 «классификаторов», 3 «логические связки», 2 «квантора общности» и «имена предметных переменных»: А, В, С, ..., X, Y... . Сообщается, с одной стороны, что эти списки, составленные на основе эмпирических исследований, в дальнейшем, возможно, пополнятся; однако, с другой стороны, не исключена возможность и отказа от слов русского языка и ввода символических обозначений на основе латыни (см. стр. 416). Таков будет метаязык, предназначенный описывать семантическую структуру русского слова.

Между тем очевидно, что корректное определение значений слов находится в непосредственной зависимости от возможностей метаязыка. Так, например, если метаязык позволит нам ввести в определение слова *павальный* указание на тот элемент стихийности и пассивности, о котором говорилось выше, то мы его введем, и синонимическая пара *всобищий* — *павальный* распадется на «квазисинонимы»; если метаязык не будет располагать такими средствами, то эти дифференциальные элементы значения не будут указаны, и слова останутся в лоне синонимии. Если метаязык даст нам возможность показать, что в вычленимой из фразеологизмов (всегда ли правомерно?) паре *первый* — *верховный* («главный в некоторой иерархии», «Синонимия и синонимы», стр. 81) в *первый* отсутствует элемент «управляющий, распоряжающийся, поставленный над другими» (*первая скрипка*), а в *верховный* — присутствует (*верховный главнокомандующий, верховная власть*), то и эта пара превратится в «квазисинонимы». Если метаязык настолько беден, что для слов *автор* и *создатель* может предложить только толкование «тот, кто создал нечто» (стр. 85), то эти слова будут рассматриваться как синонимы. Но если метаязык способен показать, что *создатель* — это обязательно тот, кто создал что-то очень важное, существенное или прекрасное, а в слове *автор* этот семантический компонент отсутствует (отсюда и *автор жатки, автор гола, договор с автором*, но не с *создателем*; отсюда же и стилистическое различие), то и здесь опять «точная синонимия» окажется мнимой. И тогда естественно возникает вопрос: является ли значение слова объективной языковой данностью, существующей независимо от возможностей лексиколога и лексикографа, задачей которого (очень трудной!) является точное и адекватное действительности описание этой

³ См.: Ю. Д. Апресян, Об экспериментальном толковом словаре русского языка, стр. 38.

данности, или же значение слова — это понятие условное, объем которого может расширяться или сужаться в зависимости от того инструмента, с которым мы к нему подходим? Зная общее направление работ Ю. Д. Апресяна, можно думать, что теоретически он решает этот вопрос в первом смысле. Однако результаты его конкретных определений как будто бы дают основание утверждать противоположное.

3. В непосредственной связи со сказанным находится и вопрос об основаниях для построения синонимического ряда и о разграничении синонимов и «квазисинонимов» (т. е. «слов, которые имеют большую общую часть, но не совпадают полностью», стр. 89). *Лоб* и *чело*, *глаза* и *очи* — «квазисинонимы», так как *чело* — это не просто «лоб», а «красивый лоб», *очи* — не просто «глаза», а «красивые глаза» (стр. 90). Таким образом, здесь элемент оценочного характера разводит слова и не позволяет им объединиться в синонимическую пару. Но почему же в аналогичном случае *автор* — *создатель* (см. выше) тот же оценочный элемент не принимается во внимание и слова рассматриваются как образующие синонимическую пару? Слова *только*, *единственно*, *исключительно* «в ограничительном значении» рассматриваются как синонимы, а отсутствие взаимозаменяемости в случаях типа *Он только подумал об этом (но ничего не сказал)* объясняется особенностями сочетаемости (стр. 84). Но в последнем примере в *только* присутствует семантический компонент «всего лишь», «всего-навсего». И если мы правильно истолкуем значение этого *только*, то оно выпадет из синонимического ряда *только* — *единственно* — *исключительно*, означающих «выделение единственного», и войдет в ряд *только* — *всего лишь* — *всего-навсего*, означающих «выделение ограничиваемого или противопоставляемого».

Ю. Д. Апресян в своей статье вообще не ставит вопрос о пересечении синонимических рядов, о том, что при максимальном обобщении значения слово будет входить в один синонимический ряд, а при условии дифференциации этого общего значения (необходимого!) оно может оказаться членом и другого ряда и, соответственно, «квазисинонимом» по отношению к остальным членам первого, самого «общего» ряда. Именно поэтому союзы *как*, *будто*, *словно*, *точно* можно рассматривать как синонимы, несущие «сравнительно-уподобительное значение» (стр. 84), но при этом нельзя упускать из виду, что сама эта сравнительность разлагается на более дифференцированные значения: 1) собственно сравнение или уподобление («похоже на то, как», «напоминает то, как») и 2) идентификация, отождествление («точно так, как», «именно так, как»). Поэтому и не заменяется *как* на *словно*, *точно*, *будто* в предложениях *Он шел, как ходят солдаты* или *Стоял, как стоят обреченные*: здесь *как* несет в себе второе значение. Входя в общий ряд союзов, объединенных самым общим значением сравнения, *как* своим более частным значением входит еще и в ряд *как* — *именно так как* — *точно так как* и, входя в этот ряд, оно становится уже «квазисинонимом» по отношению к *словно*, *будто*, *точно*.

4. Объединяя слова в синонимические пары, Ю. Д. Апресян исходит из того, что «различия между ними — это различия не значения, но сочетаемости»⁴. Представляется, что в очень многих случаях этот тезис реализуется чересчур прямолинейно, и анализ значений самих слов, установление тонких различий в их семантике подменяется описанием их разной сочетаемости. Между тем в очень многих случаях это различие обусловлено различием лексических значений слов. Определив значение в самом общем виде и тем самым отождествив слова как «точные синонимы», автор обращается затем к вопросу о сочетаемости, о «валентностных структурах

⁴ Ю. Д. Апресян, Об экспериментальном толковом словаре русского языка, стр. 42.

слов» и показывает различия этих «структур». *Намного* и *очень* — синонимы, они имеют значение «высокой степени»: *Он намного /очень/ отстал от меня, опередил меня* (стр. 85). Сочетаемость их, однако, различна: *намного* сочетается с компаративом (*намного больше, красивее*) и не сочетается с «некомпаративными глаголами» (*очень*, но не **намного страдает*). Все это верно. Но само значение «высокой степени» разлагается на «более высокой степени» (это значение есть только в *намного*) и просто «высокой степени» (*очень*). Объективно это подтверждается вхождением *намного* в ряд *намного* — в *большой степени* — и *очень* — в ряд *очень* — в *большой степени*.

Как бы ни обстояло дело с точки зрения исторической (особая сочетаемость предопределяет формирование нового значения или формирующееся значение предопределяет новую сочетаемость), в избираемый как синхронное состояние момент языкового существования сочетаемость не безразлична к значению слова, она прямо с ним соотнесена. В изложении Ю. Д. Апресяна получается, что, имея самое общее значение, слово избирательно сочетается с другими словами. Но чем же предопределена сама эта избирательность, как объяснить ее во всех случаях ее конкретных обнаружений? Ответа на этот вопрос мы не находим. Факт констатируется, но не объясняется. Верно, что возможно *автор/создатель картины, теории*, но невозможно *договор с создателем, создатель статьи*. Но почему? Дело здесь не в стилистическом различии, а в том особом компоненте значения, который есть в слове *создатель* и отсутствует в слове *автор* (см. выше). Верно, что *ухудшаться* может только состояние, но не человек и не машина. Однако этому явлению должна быть указана причина. Она — в том, что все образованные от прилагательного глаголы с приставкой *у-* и постфиксом *-ся*, имеющие словообразовательное значение нарастания признака, или вообще не сочетаются с названиями лиц, или сочетаются с ними ограниченно (эта ограниченность может быть определена и объяснена). Ср. такие глаголы, как *увеличиваться, уменьшаться, утолщаться, убыстраться, увлажняться, утишаться, углубляться, укорачиваться, удорожаться, удешевляться, уплотняться, умягчаться, утончаться, утолщаться* и мн. др. Именно поэтому употребления вроде «Дедушка Шурик, и всегда-то щуплый, усох, у м а л и л с я в лесного гнома» (Ю. Нагибин)⁵ воспринимаются как окказиональные. Таким образом, *ухудшаться* не сочетается с *Иваном* не по каким-то индивидуальным и необъясненным причинам, заложенным только в этом глаголе (а именно так получается, когда рассматривается одно слово, произвольно отвлеченное от целого словообразовательного типа), но по общему правилу сочетаемости всех слов этого типа. Поэтому в толкование значения слова *ухудшаться* (так же, как *уменьшаться, умягчаться* и т. д.) должно быть введено указание: «о предмете как носителе признака» или что-то в этом роде; это — один из элементов значения данного слова.

Другое дело, что тот или иной тип словаря в силу условий жанра не может фиксировать для разных «синонимических» слов все те тонкие смысловые различия, которые делают эту «синонимию» мнимой; тогда эту задачу возьмет на себя показ сочетаемости. Однако это будет лишь лингвистически совершенно оправданный, удобный и целесообразный прием, при помощи которого лексикограф освободит себя от разложения обобщенно представленного значения слова на частично совпадающие и частично различающиеся семантические компоненты. Теоретически же причины различной сочетаемости должны быть объяснены именно исходя из различий в значениях слов. Исключения составят не столь уж многочисленные явления действительно «точных синонимов».

⁵ Пример из материалов, собранных И. С. Улухановым.

Представляется несомненным, что избирательная лексическая сочетаемость слов предопределяется внутренними качествами «избирающего» слова, и эти качества нужно искать в сфере значения. *Повальные обыски, аресты* нормально, а *повальные выборы* и *всеобщие аресты* невозможно не просто потому, что таков закрепившийся языковой узус (а именно это объяснение напрашивается, если причины явления не объясняются), но потому, что лексические значения слов *повальный* и *всеобщий*, в чем-то совпадающие, все же различны (см. выше). *Сын замужем* или *Дочь жената* невозможно не потому, что слова *замужем* и *женат* почему-то «избрали» и закрепили за собой иную сочетаемость, а потому, что такой сочетаемости не допускают лексические значения этих слов: *замужем* — «о женщине: состоит (а не „состоящая“; стр. 86) в браке»; *женат* — «о мужчине: состоит (а не „состоящий“; стр. 86) в браке» (возможны и иные толкования; см. выше).

Оказываясь перед фактом разной сочетаемости «синонимов», нельзя подменять задачу объяснения этой разности простой ее констатацией. Перед нами — два взаимодействующих фактора: значение слова и его сочетаемость. Как бы ни было тесно и постоянно взаимодействие этих двух факторов, в работе по теоретической семантике они обязательно должны быть разграничены: изучение и разграничение значений слова не может подменяться изучением его сочетаемости.

5. С характеристикой сочетаемости тесно связан вопрос о запретах (предписаниях) и их лингвистических обоснованиях. Ю. Д. Апресян широко пользуется категорическими запретами, и нужно сразу сказать, что очень часто эти запреты совершенно необоснованны. Можно привести много примеров таких неоправданных запретительных характеристик. «*Желанным* может быть и лицо и результат действия, а *желательным* — т о л ь к о („только“ подчеркнуто везде нами. — Н. Ш.) последнее» (стр. 83—84). А как же быть с *желательной кандидатурой*, *весьма желательным свидетелем*, *желательным товарищем* (см. Б. Сл.), *нежелательным квартирантом* (Б. Сл.) или *нежелательным гостем* (Лит. газ. 8 X 69)? Кроме того, *желанным* может быть не только лицо или результат: см. *желанная минута*, *желанный миг*. «*Арендовать* можно и помещение... и землю, *снимать* — т о л ь к о помещение» (стр. 84); но ср. *снимать озеро* (Б. Сл.), *снимать участок*. «Сочетаемость выражения *причинять боль* лексически не ограничена, а глагол *резать* в том же значении сочетается т о л ь к о с существительным *глаза*» (стр. 84); но см. *режущая боль в боку*, *в животе режет*, *холодный воздух режет легкие* (Б. Сл.). Утверждается, что «субъектная валентность слова *катастрофа* (в значении „несчастный случай на транспорте“) выражается т о л ь к о прилагательным» (стр. 86); но см. *катастрофа с самолетом* (интересно, что в Б. Сл. слово *крушение* определено как «катастрофа с поездом или судном»).

На стр. 84 читаем, что в придаточном предложении союзы *будто*, *словно*, *точно* в сравнительно-уподобительном значении «не употребляются»; но ср.: «А как речь-то говорит, *словно* реченька журчит» (Пушк.); «Леса шумели так, *будто* океаны прорвали плотины» (К. Паустовский); «У нее нос и рот как-то выдавались вперед и было такое выражение, *точно* она дула» (Чехов).

В статье «О языке для описания значений слов», к сожалению, приходится констатировать ту же необоснованность предписаний. Так, на стр. 418 говорится, что «у предиката *верить* второе место должно быть о б ь я з а т е л ь н о (подчеркнуто нами. — Н. Ш.) занято именем целой ситуации со своим предикатом (*Я верю, что он честен*)». Но почему же? Разве «второе место» здесь не может быть занято падежной формой имени: *Я верю в его честность?*

Категоричность необоснованных запретов влечет за собой не только явные ошибки, подобные приведенным выше, но и огрубленные, упрощенные характеристики словарных микросистем. Так, в статье «Синонимия и синонимы» на стр. 83 читаем: «Глаголы *браться* (за X) — *приниматься* (за X) со значением „начинать производить типичное действие (с X-ом)“ принимают в качестве дополнения а) название действия, ср. *браться* [*приниматься*] за работу [за чтение] и б) название типичного объекта действия, ср. *браться* [*приниматься*] за книгу. Однако только первый синоним способен сочетаться с названием типичного инструмента действия (*браться за весла* [за иглу, за перо, за оружие], но не **приниматься за весла* [за иглу, за перо, за оружие])». Эта характеристика не опирается на полный и всесторонний анализ материала. Не отмечен тот важный факт, что *браться* и *приниматься* сочетаются с названиями действий избирательно (ср.: *приниматься за еду*, но не *браться за еду*; *приняться за проповедь* [Пушк.], но не *браться за проповедь*); та же избирательность должна быть отмечена (и объяснена!) и для сочетаний с названиями объектов (ср.: *приниматься за кашу*, *борщ*, но не *браться за кашу*, *борщ*). Так стремление к обязательной исчерпанности и точности характеристики может невольно обернуться искажением реальной языковой действительности.

6. Казалось бы, что само понятие сочетаемости является достаточно определенным и ясным. Разграничение лексической, семантической и синтаксической сочетаемости можно рассматривать как дальнейший шаг в разработке этой проблемы. Однако и здесь мы сталкиваемся с некоторой неясностью. Во всех своих предшествующих работах Ю. Д. Апресян понимает сочетаемость очень широко: он принципиально не делает различия между позициями слова в структуре словосочетания и предложения. В статье о синонимах такое широкое понимание сочетаемости как бы «приглушено» самим материалом, однако в принципе оно сохраняется (см. тезис о том, что «в число классов словоформ условно включается и класс S»); стр. 81, а также рассмотрение на уровне управления таких фактов, как *Ему нездоровится*, *Ему жаль*; стр. 87). Такое широкое понимание сочетаемости слов (в первую очередь это относится к лексической сочетаемости) обязывало автора при характеристике валентностных возможностей слова привлекать для анализа любые соединения — возникающие на уровне не только словосочетания, но и предложения. Однако этого не делается. Так, анализируя сочетаемость слов *близкий* и *скорый* в их временном значении, Ю. Д. Апресян оперирует сочетаниями *близкий / скорый отъезд*, *близкое* (не *скорое*) *будущее*, *до скорого* (не *близкого*) *свидания*, *в скором* (не *близком*) *времени* и др. (стр. 86). Если рассматривать эту сочетаемость как свободную (во многих случаях это сомнительно, но именно так, в плане констатации «предпочтительности» ведется анализ), то, во-первых, нельзя упускать из виду сочетаемость тех же слов в других их формах (*в ближайшем*, а не *скорейшем времени*) и, во-вторых, в предикативных соединениях: *Свидание близко* (а не *скоро*); *Уж близко* (а не *скоро*) *то время, когда...* Таким образом, сочетаемость учитывается не полностью, и основания для такой неполноты читателю не ясны. Учет допустимости тех или иных соединений во всех возможных синтаксических позициях и в разных формах слов, по-видимому, заставил бы автора пересмотреть многие из своих предписаний.

7. В связи со сказанным выше возникает и еще один вопрос: правомерно ли рассматривать явления лексической сочетаемости равно на материале свободных соединений слов и фразеологизмов? Вряд ли. Разлагая на слова устойчивые сочетания типа *до скорого свидания*, *в близком будущем* (стр. 86), *быть в восторге*, *питать уважение*, *оказывать влияние*, *производить впечатление* и под. (стр. 87), нельзя изучать сочетаемость как явле-

ние «валентностной структуры слова»: своей собственной валентностью обладает уже все такое сочетание в целом. Фразеологизмами приведенного вида, подаваемыми в словарях закрытыми списками, нельзя иллюстрировать сочетаемость еще и потому, что, как убедительно показано в ряде исследований, лексические значения глагольного компонента в них ослаблены. Сталкиваясь с разложением таких фразеологизмов в статье Ю. Д. Апресяна, читатель напрасно ищет ответа на вопрос, где же проходит граница между явлениями лексической сочетаемости в собственном смысле этого слова и тем, что можно было бы назвать «квазисочетаемостью», т. е. теми случаями, когда исторически закрепившееся соединение двух слов приобретает качества и функции одного слова.

8. Определяя значение слова, Ю. Д. Апресян выступает как свой собственный информант. При этом он берет или слово в элементарной фразе, или отдельное употребление слова (предполагается, что это отдельное употребление есть одновременно и само слово; но толкуется в огромном большинстве случаев именно одно из возможных употреблений; см. ниже). Это объясняется следующими соображениями: «В общем случае толкуемой единицей должно быть не отдельное слово, а содержащее его выражение вида XPY , где P — толкуемое слово, а X и Y — переменные, сообщающие данному выражению форму предложения или словосочетания. Введение этого условия диктуется невозможностью истолковать значения многих слов, если входом толкуемого выражения является одно только это слово»⁶. Утверждается, что такие слова, как *считать*, *слыть*, *мнение*, *репутация*, *жаль*, *неймется*, *всего*, *целых* (sic!), *бестолочь*, *не дурак* (*выпить*), *допускать*, *необходимо* и т. п. вообще «невозможно истолковать»⁷.

Тем, кто, по остроумному выражению Б. А. Ларина, «набил себе на руки лексикографические мозоли», хорошо известно, что значение слова может быть правильно определено только на основе анализа и обязательного последующего синтеза множества его отдельных употреблений. Не случайно словарнику нужны картотеки, и чем богаче картотека, тем точнее его работа. То, что кажется очевидным и простым по отношению к отдельно взятому употреблению, к элементарной фразе, при проверке разными употреблениями, множеством текстов часто оказывается просто неверным. Действительно, чем плохо приведенное выше определение слова *жадный*: «сильно желающий приобрести X , которого у него нет и который не является для него необходимым (\approx желающий захватить чужое)», если проверить его таким, например, предложением: *Какой жадный мальчик: у всех все отнимает*. Здесь есть и сильное желание приобрести то, чего нет и что не необходимо, и желание захватить чужое. Но употребление того же слова в предложении: *Жадный мальчик: не дал зеленый карандаш раскрасить листья* снимает одно за другим все элементы этого определения: желания приобретать нет, карандаш есть, он свой, чужого карандаша мальчику не надо. Другие употребления и другие контексты покажут наличие одних семантических компонентов предложенного Ю. Д. Апресяном определения и отсутствие других. Это значит, что нужно определять значение, отвлекая от большого числа употреблений то общее, что есть у них всех. Иначе могут получиться совершенно произвольные толкования. Так, для слова *скупой* предлагается толкование: «сильно не желающий утратить X , который у него есть и который не является для него необходимым» (стр. 90). Последняя часть определения неверна. Сопоставив употребления: *Это старик богатый и скупой* и *Постоянные лишения, нужда поневоле сделали крестьянина скупым*, убедимся, что элемент «ненеобходимости» в значении слова *скупой* не входит.

⁶ Ю. Д. Апресян, О языке для описания значений слов, стр. 421.

⁷ Там же.

Слово *завидовать* толкуется «в элементарной фразе» *А завидует В* следующим «нетривиальным и строго формальным» образом: «А не имеет X, и В имеет X, и А хочет иметь X, и А не хочет, чтобы В имел X»⁸. Возьмем конкретное предложение: *Я ему завидую: он так молод*. Из толкования, предложенного Ю. Д. Апресяном, для этого случая остается только «А не имеет X, и В имеет X»; у А нет беспредметного хотения «иметь молодость», и нет еще более беспредметного хотения лишить В молодости; во всяком случае из нашего предложения нельзя вывести для слова *завидовать* этих элементов значения (кажется, что самый последний элемент определения — «А не хочет, чтобы В имел X» вообще введен произвольно). Зато для любого употребления слова *завидовать* годилось бы определение: «А не рад тому, что В имеет X, потому что сам А не обладает этим X-ом».

Здесь же находим такое толкование слова *не грех*: «Не грех и В = говорящий хочет, чтобы В, и говорящий считает, что препятствий к В нет», например: *Не грех и выпить; Вам не грех и помыться*⁹. Указание насчет отсутствия препятствий ошибочно: *не грех* + инф. свободно и широко употребляется в контекстах, указывающих на наличие препятствий к осуществлению действия, названного инфинитивом, например: *Не грех и выпить, да жена не велит, Не грех бы помыться, да воды нет* и т. п.; *не грех* + инф. значит: «хорошо бы осуществить то, что названо инфинитивом» + элемент субъективно-оценочного характера: предположения, неуверенности в том, удастся ли осуществить это, или в том, как это будет воспринято.

Аналогичным образом можно показать явные неточности в той же статье в толкованиях слов *тянуть* (*X-а тянуло сделать В*), *подмывать* (*X-а подмывало сделать В*), *верить*.

Для правильной характеристики слова отвлечение от отдельных его употреблений совершенно необходимо. Вот еще один характерный пример. По поводу глагола *показываться* Ю. Д. Апресян пишет, что «субъект действия и субъект речи» в нем «не совпадают» (стр. 82), поэтому фразы типа *Мы показали на дороге в самый неподходящий момент* «совершенно исключены» (стр. 82). Это неверно, ср.: *Только что он расположился у обочины и разложил свою добычу, как вдруг мы показали на дороге в самый неподходящий момент*. Субъект речи и субъект действия здесь совпадают; не совпадают субъект действия и субъект, воспринимающий это действие. Таким образом, предлагаемое толкование слова *показаться*, выведенное на основе анализа изолированной фразы, должно быть исправлено на основе анализа разных его употреблений¹⁰.

Чем разнообразнее и богаче возможности употребления слова (в том или ином определенном его значении), тем обобщеннее нужно формулировать толкование. В то же время эта обобщенность должна сочетаться с точностью. В этом и состоит огромная трудность словарной работы. Причины приблизительных или неточных толкований в словарях в подавляющем большинстве случаев определяются не небрежностью их авторов, а тем, что недостаточность или односторонность материалов часто не дает возможности преодолеть эту специфическую трудность, а научная осторожность — качество, совершенно необходимое для лексикографа — не позволяет строить определение на основе только своего субъективного знания.

⁸ Там же, стр. 425.

⁹ Там же.

¹⁰ Ср.: «Вне зависимости от его данного употребления, слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» (В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 14).